

Вступление

Раннее утро седьмого дня летнего лагеря. Завтра наконец состоится экзамен, после чего наша группа прекратит своё существование. Хотя действия Хашимото и спасли её от полного развала, сразу по окончании этого испытания исчезнут и выстроенные между нами отношения.

Наверное, многих учеников это вгоняет в тоску. В конце концов, большинство членов нашей группы, несмотря на общую антипатию к Коенджи, хорошо ладят друг с другом.

Хотя, что касается Ишизаки, его ненависть ко мне, должно быть, даже больше, чем к Коенджи. Впрочем, он делает все возможное, чтобы это не проявилось внешне. Честно говоря, Ишизаки наверняка хочет извести меня, но при этом прекрасно понимает, что в таком случае произойдет. Подобное поведение в чем-то напоминает мне Судо; однако, когда дело доходит до чтения настроения, Ишизаки превосходит его. У меня сложилось впечатление, что он в какой-то мере уважает своих оппонентов и готов признать то, что отрицать нельзя. Наверное, именно поэтому Рьюен держал его рядом с собой. Впрочем... всё это вовсе не означает, что Судо уступает Ишизаки.

Этот парень намного превосходит его в плане физической силы и, по всей вероятности, лучше и по академическим способностям. Поскольку его наставляет Хорикита, Судо продолжит потихоньку развиваться и идти вперед. Так что, несмотря на то, что они с Ишизаки похожи, средства и возможности, которыми обладает каждый из них, принципиально различаются.

— Я бы хотел обсудить эстафету на дальнюю дистанцию, которую нам предстоит сдавать завтра. Пожалуйста, послушайте меня.

Все в комнате обратили взгляды на Кейсея, оставаясь при этом в своих кроватях.

— В нашей группе всего десять участников, поэтому всем придется нести тяжелую ношу. Однако в зависимости от обстоятельств это может оказаться нашим преимуществом.

— Что ты имеешь в виду? Чем больше людей, тем лучше – ведь тогда расстояние, которое каждому нужно пробежать, становится меньше.

— Конечно, будь в нашей группе пятнадцать человек, нагрузка распределялась бы менее неравномерно, но вместе с тем появилась бы высокая вероятность того, что нас затормозит большое количество медленных участников. На подсчёт учеников нашей параллели, хорошо бегающих на длинные дистанции, хватит пальцев одной руки.

—... действительно.

— Другими словами, эстафета – это возможность наверстать отрыв.

— Но... только при условии, что вся наша группа состоит из спортивных людей, верно?

Ишизаки огляделся.

Вероятно, меня он считает одним из спортсменов, но, поскольку Коенджи в этом ключе рассматривать не стоит, единственным, на кого еще можно положиться во время забега, остается Хашимото.

Конечно, нашу группу не назвать особенно спортивной. И, самое главное...

— Хоть это и жалко звучит после таких слов, но я, вероятно, не принесу команде особой пользы.

Кейсей знает себя лучше, чем кто-либо другой. Из всех участников нашей группы он – именно тот, в чьей выносливости и скорости нет уверенности. Однако, будучи лидером, Кейсей сумел составить кое-какую стратегию.

— Дистанция эстафеты составит примерно 18 километров. Это означает, что каждый должен пробежать как минимум 1,2 километра, то есть в группе из пятнадцати человек расстояние для всех учеников фиксированное. Однако... поскольку у нас всего десять участников, мы можем внести существенные изменения в распределение дистанций.

— Но просто заявить о травме и попросить кого-то другого пробежать расстояние за тебя — это не вариант, да?

— За любые проблемы с самочувствием в день эстафеты будет вынесен штраф, что определенно поставит нас в невыгодное положение. Также стоит понимать, что если кто-то не пробежит свои 1,2 километра, мы можем и вовсе не получить никаких очков, даже если поменяемся местами.

Школа очень старается прикрыть все возможные лазейки.

Учащиеся должны делать то, что от них требуется. Пусть Кейсей и Яхико не уверены в собственной скорости, но всё же свои 1,2 километра они пробежать должны.

... Возможно, троих из класса В также нужно включить в категорию «неспортивных учеников». В неё попадает и Альберт: хоть он и довольно быстрый, у него проблемы с выносливостью.

Если каждый из них пробежит минимум, то оставшимся четверым придётся преодолеть по 2,7 и более километра. Для учеников, чьей сильной стороной является выносливость, такое расстояние особых проблем не доставит. Я высказал Кейсею свои мысли по этому поводу.

Члены нашей группы выслушали мои слова.

— В таком случае я пробегу 3... нет, даже 3,6 километра.

Заявил Ишизаки. Нет сомнений, что он один из тех, кто способен легко с этим справиться. И еще один человек поднял руку, словно следуя его примеру.

— Что ж, полагаю, у меня нет другого выбора. Я неплохо бегаю на дальние дистанции... что-то вроде того.

Эти слова произнес Хашимото.

Двое из нашей группы добровольно решились взять на себя столь тяжелое бремя. Это означает, что 7,2 километра уже распределены.

— Спасибо.

Кейсей склонил голову в знак благодарности. Полагаю, я должен последовать их примеру и тоже взять на себя хоть какую-то часть.

— Тогда... я сделаю все, что в моих силах. Но не знаю, какое время смогу показать.

— Ты точно не против, Киётака?

— Пожалуйста, не ожидайте от меня слишком многого.

Но самое важное еще только осталось прояснить. Среди нас есть человек с настолько высоким спортивным потенциалом, что с ним не может сравниться даже Судо, столь гордящийся своими способностями.

Чем большую дистанцию возьмет на себя Коенджи, тем легче будет остальным учениками. Вероятно, минимальное расстояние в 1,2 километра он пробежит, однако неясно, станет ли брать на себя дополнительный труд.

И, что самое главное, никто не знает, будет он стараться или нет. Даже если девять из нас, включая меня, сделают все возможное, то нам ничего не светит, если Коенджи неторопливо пройдет дистанцию пешком, не воспринимая эстафету всерьез.

— ...Я бы хотел, чтобы ты тоже бежал.

Зная о слабом звене нашей группы, Кейсей смиренно подошел к Коенджи. Тот сидел на

кровати и с ухмылкой любовался своими ногтями.

— Коенджи.

Кейсей спокойно позвал его еще раз.

— Конечно, я буду участвовать в эстафете. Но, в отличие от остальных, я не очень люблю бегать на большие расстояния.

Полагаю, он бы ни за что сразу же не стал соглашаться с просьбой.

Ишизаки уставился на Коенджи, но ничего не предпринимал; проведя рядом с ним несколько дней, он начал понимать, что в большинстве действий Коенджи нет никакого смысла.

— Мне бы очень хотелось избежать риска того, что наша группа займет последнее место.

— Верно... Я знаю, что ты хочешь сказать, Очкарик-кун.

Оторвав взгляд от ногтей, Коенджи посмотрел на Кейсея сверху вниз.

— Если ты не готов пробежать большое расстояние, то я бы хотел, чтобы ты, по крайней мере, пробежал всерьез свои 1,2 километра.

Все в нашей группе смотрели на Коенджи.

— Я не хочу давать никаких обещаний. Даже если наша группа придет последней, это вовсе не будет означать, что меня исключат. Изгнан будет только лидер, и ты ни в коем случае не потащишь за собой одноклассника, не так ли?

Если бы лидером был не Кейсей, а кто-то вроде Ишизаки или Яхико, то, возможно, он бы побежал. Но поскольку речь идет об однокласснике, Коенджи решил, что вниз за собой его не утянут.

Возможно, начини мы сейчас угрожать ему тем, что он отправится вслед за лидером, то смогли бы заставить его бежать, но в таком случае больше никогда нельзя было бы рассчитывать на сотрудничество с ним.

— ... тогда, пожалуйста, скажи мне. Что мы должны сделать, чтобы заставить тебя бежать? Я готов заплатить приватными баллами, если это убедит тебя.

Поскольку именно на Кейсея лежит ответственность за результат, он готов компенсировать все

за свой счет.

— Не носи это бремя в одиночку, Юкимура. У меня тоже есть немного баллов.

— Я тоже заплачу.

Сначала Ишизаки и Хашимото, а затем Яхико и все остальные поддержали Кейсея. Из многих малых выходит одно большое. Если мы вдесятером внесем вклад своими приватными баллами, то получится довольно большая сумма.

— К сожалению, я не испытываю никаких проблем с приватными баллами. Кроме того, видите ли, даже если у меня не будет ни одного, я все равно могу жить полноценной школьной жизнью.

Чувства сплотившейся группы не дошли до него ни на йоту. Как я и опасался, Коенджи не станет ничего делать даже после подобного предложения. И все же, слова о труде на благо класса были бы еще менее эффективны.

В течение последних нескольких дней мы с остальными членами группы, невзирая на принадлежность к классам, несколько раз объединялись, чтобы заставить Коенджи действовать. И все эти попытки провалились.

— Значит, ты хочешь сказать, что бежать всерьез не станешь?

— Именно так. Не похоже, что я стану для вас помощником.

Этими словами Коенджи окончательно отверг нашу просьбу.

Не выдержав этого, Ишизаки попытался встать, но Кейсей остановил его.

— Однако можете расслабиться. Мне не нравится напрягаться сверх необходимого, но минимум того, что от меня требуется, я делаю всегда. У меня тоже есть собственные методы ведения дел.

— Другими словами... хотя бы средний результат ты покажешь?

— Именно так. Тем не менее, я, вероятно, в итоге все равно покажу относительно превосходный результат, даже если почти не буду стараться. Это хорошая новость для вас, не так ли?

По всей вероятности, все присутствующие осознали слова Коенджи. И пусть совсем немного,

но каждый вновь утвердился в мысли, что мы группа и должны заботиться друг о друге.

Однако на практике все не совсем так. Мой анализ Коенджи говорит о том, что он готов действовать только ради себя. На всех экзаменах, которые проводились до сих пор, он неоднократно действовал таким беспрецедентным образом. Однако, вместе с тем, ни одно из этих действий не могло привести к его исключению.

Коенджи на 99% уверен, что его не утянут его за собой вниз, но все же существует ненулевая вероятность обратного исхода; очевидно, что если он покажет плохие результаты, школа обязательно обратит на это внимание.

Столь же очевидно, что если его выберут мишенью для совместной ответственности, Коенджи больше ничего не сможет сделать. Этот человек не допустит подобной ошибки.

— Превосходный результат? Ты даже к занятиям Дзадзэном не прикладывал никаких усилий – как ты вообще можешь заявлять что-то подобное?

— Хе-хе-хе. Это потому, что в детстве я уже в превосходстве овладел Дзадзэном. С этим у меня никаких проблем.

— ...Что это за детство у него такое было?

Даже после этого вопроса Коенджи продолжал с удовольствием смеяться. В любом случае, для Кейсея такого результата вполне достаточно. Коенджи не собирается сотрудничать, но пообещал выполнить минимум.

Это значимый факт уже сам по себе. Именно потому, что мы одноклассники, я понимаю, насколько высок потенциал Коенджи.

Еще есть некоторые неизвестные мне факторы, такие как Дзадзэн и письменный экзамен, но в том, что касается физической подготовки и выносливости, ему доверять можно.

Часть 1

Одна из проблем была решена, и теперь настало время утренней уборки. Стоило Кейсею нагнуться за тряпкой для пыли, как Ишизаки забрал её.

— Отдохни. Если из-за уборки ты не сможешь бежать на эстафете, у нас будет гораздо больше проблем.

— Но...

— Отдыхай. Взамен изо всех сил постарайся на письменном экзамене. Набери как минимум 120%, ладно?

— ... да, набрать 120% невозможно, но я буду стремиться к 100...

Ишизаки понимает, что такое взаимные уступки.

Поблагодарив его, Кейсей сел.

— Какое хорошее отношение, Хулиган-кун.

— Заткнись, Коенджи. Ты ни черта не делал с самого первого дня!

— Неужели? Ха-ха-ха!

Коенджи не стал брать в руки ни тряпку для пыли, ни метлу, а вместо этого направился прогуляться на воздухе.

Он действует нагло и смело, даже если привлекает этим внимание учащихся 2-го и 3-го годов.

— Он - болезнь этой группы. Разве у вас, ребята, получится подняться до высших классов с таким-то парнем в составе?

Даже класс D в конце концов обеспокоился нашей ситуацией.

— ... не могу сказать, что я в этом уверен.

Кейсей всегда крайне решительно нацелен на высшие классы, но похоже, что поведение Коенджи сильно бьет по его уверенности; а от того, как он будет действовать завтра, напрямую зависит результат группы. Во время нашего утреннего разговора мы заставили Коенджи пообещать, что он пробежит минимум, но это не абсолютная гарантия - ему ничего не мешает перестать стараться, едва исчезнув из нашего поля зрения.

Если он отказывается делать даже такую мелочь, как уборка, то очень высока вероятность того, что мы окажемся на последнем месте. Даже старшеклассники, увидев подобное поведение, могут озлобиться на нас.

Хоть я и считаю Коенджи расчётливым и осторожным, но все равно опасаюсь того факта, что его поведение выходит за рамки здравого смысла и может обмануть мои ожидания.

Вероятно, заметив беспокойство Кейсея, к нему подошел Ишизаки.

— Не волнуйся. Раз он не готов стараться, значит, все мы должны выложиться на полную.

— Странно слышать такие слова от тебя. Всего за один день ты достаточно сильно повзрослел.

— Заткнись, Хашимото. Какие-то проблемы с этим?!

— Никаких. Состояние группы влияет и на мой план, и я хочу, чтобы мы заняли как можно более высокое место. Верно, Яхико?

— ... ну, полагаю, так. Поскольку наша группа состоит из проблемных учеников, нам ничего другого не остается. Если выступим плохо, Кацураги-сан разочаруется в нас.

Хашимото с горечью рассмеялся над Яхико, сосредоточенном только на Кацураги, и хлопнул его по плечу.

— Я несколько раз выступал против Кацураги по приказу Сакаянаги. Думаю, ты будешь презирать меня за это, но сейчас мы самые настоящие союзники. Пожалуйста, забудь на время о тех кровопролитиях, что были между нами.

— Хмм. Даже не знаю.

Яхико не стал повышать голос, но, кажется, он не слишком-то доверяет Хашимото. Ему сложно смириться с тем фактом, что Кацураги до сих пор сталкивается с препятствиями, поставленными его же одноклассниками.

— Разве это не ваша вина, что Кацураги-сан на этом экзамене стал лидером?

— Я тут ни при чем. Это было план Матобы.

Яхико, похоже, эти слова Хашимото не убедили.

Тем не менее, он сдержался и повел себя как часть единой группы. Это достойно похвалы.

Часть 2

Наш последний обед перед завтрашним экзаменом. Я заметил Ичиносе, идущую по столовой с подносом в руках, и окликнул ее; без цели, однако, получить какую-то информацию.

С Ичиносе что-то явно было не так.

— У тебя какие-то неприятности?

— Эхх? Аянокоджи-кун?.. Нет, ничего особенного. Я просто размышляла о разных вещах.

— Ты пытаешься решить сложную проблему, не так ли?

Ичиносе уже собиралась пройти мимо, но мои слова остановили ее.

— Экзамен состоится уже завтра. Что ты думаешь об этом, Аянокоджи-кун?

— Это довольно расплывчатый вопрос.

— Я хотела бы услышать честный ответ.

— Он будет несколько сложнее тех экзаменов, что у нас были до сих пор – вот, что я думаю. Мне кажется, довольно высок риск того, что кого-то исключат.

— Полагаю, так и есть... но идет третий семестр учебы, разве не естественно, что уровень сложности повышается?

— Возможно.

— Говоря о рисках... вся эта система с «лидерами» – действительно ли это нормальное решение? Брать на себя эту роль, я имею в виду.

— Да уж.

— Стать лидером – это очень рискованный шаг, но... но... стать им ради победы... это ведь важно, не так ли?

Я не стал отрицать её слов и продолжил слушать.

— Пусть ты и говоришь, что существует риск исключения, пока ничего точно сказать нельзя. Честно говоря, наверняка есть множество незамеченных нами факторов. Больше всего я боюсь потерять не классные очки или приватные баллы... вот, что я думаю.

— ... ты говоришь о своих одноклассниках?

— Да. Риск потери друга неизмерим.

— Если так сложится, что твой одноклассник окажется под угрозой исключения, что ты намерена делать?

— Что я буду делать, ха-ах?

Ичиносе медленно подняла голову и тихо рассмеялась.

— Аянокодзи-кун, ты действительно умен.

— Почему ты так говоришь?

— Я имею в виду... обычно ничего нельзя поделать, если кого-то вот-вот исключат, верно? Но ты же знаешь, что есть и то, что будет «после».

— Это был всего лишь гипотетический вопрос...

— Если бы это и в самом деле был гипотетический вопрос, ты не использовал бы слово «намерена», верно? «Что случится?» или в другом смысле, вопрос: «Твой класс в порядке?».

— Прости, но ты меня переоцениваешь. Это просто манера моей речи.

— Тем не менее, я думаю, что твоя «интуиция» достойна похвалы.

«Я сказала слишком много», – вот, что Ичиносе имела в виду под последними словами. В конце концов, и у неё есть те вещи, о которых стоит подумать в одиночестве. После того, как мы с Ичиносе разошлись, ее начали окликать и другие ученики. Быть популярной, должно быть, трудно.

Даже если захочется остаться одной, окружающие люди не оставят тебя в покое.

Обычно Ичиносе всегда улыбается... но не сегодня.

— Да... простите, просто у меня как-то нет настроения...

Утратившая свою энергию Ичиносе буквально проигнорировала двух девушек, с которыми была близка, и направилась прочь.

— Прошу прощения. Сегодня я просто хочу побыть одна.

Очевидно, что она не притворяется. Очевидно настолько, что сразу же видно, что она

изменилась с момента начала летнего лагеря. Увидев это, я сразу понял...

Сакаянаги сделала свой ход.

Буря, которая настигнет нас на этом специальном экзамене, может затронуть не только парней, но и девушек.

Часть 3

Поскольку сегодня был последний день перед экзаменом, атмосфера значительно изменилась. В целом всеобщее настроение в столовой осталось таким же, но теперь можно было провести четкую грань между жизнерадостными и опечаленными учениками.

Другими словами, сейчас совершенно ясно, какие группы смогли начать работать вместе, а какие – нет.

Выйдя в коридор, я обнаружил там прислонившуюся к стене Кей.

Как бы невзначай, словно я просто прошел мимо, она передала мне листок бумаги и сразу же отвернулась, после чего направилась в столовую; должно быть, там Кей встретится со своими друзьями, чтобы поесть вместе. Я опустил взгляд и вчитался в лист, после чего разорвал его на множество мелких кусочков и выбросил их в один из мусорных баков, установленных по всей летней школе.

Кей довольно хорошо держалась на протяжении всей этой недели, но, похоже, наконец достигла своего предела. Я покинул столовую и двинулся в сторону одного из углов здания школы.

Потому что человек, за которым я приказал Кей присматривать, сейчас бродит по округе в надежде побыть наедине с самим собой.

А остаться в одиночестве в этой летней школе очень трудно. Можно попытаться покинуть общую комнату ночью, но если отсутствовать долгое время, то кто-нибудь обязательно это заметит. Таким образом, идеальным вариантом будет использовать обеденный перерыв.

Прибыв в нужное место, я увидел её; опустившаяся на землю, она словно желала спрятаться от всего мира.

Девушка не заметила меня, продолжая плакать и одновременно пытаюсь сдерживать себя. На какое-то мгновение я засомневался. Однако, хоть здесь и очень малоллюдно, нельзя быть уверенным, что кто-то другой не наткнется на неё.

В таком случае я должен закончить со всем как можно скорее.

— Если у тебя неприятности, то следует спросить совета у Хорикиты... бывшего президента студенческого совета, разве не так?

— ?!

Девушкой, поднявшей на меня взгляд, была Тачибана Акане из класса А 3-го года. Она вытерла слезы, паникуя из-за того, что показывает мне свою жалкую сторону.

— Что тебе надо?

— Дело не в том, что нужно мне – куда важнее то, что я сейчас сказал.

— У меня нет никаких неприятностей или чего-то подобного.

— Если ты плачешь без причины, то это само по себе проблема.

— Я не плачу!

Сказав это, Тачибана отвела от меня взгляд. Она до сих пор не ушла по той простой причине, что не хочет, чтобы ее покрасневшие глаза и следы слез увидел кто-либо еще.

— Иногда я просто хочу побыть одна.

— Понимаю. У нас ведь не так много личного времени, верно?

Одна из немногих возможностей остаться в одиночестве – это перерыв на туалет. Впрочем, растягивать его надолго не получится; в конце концов, многие ученики могут обратить внимание на то, когда тыходишь и выходишь.

— ... К твоему сведению, я тоже на стороне президента Хорикиты.

Это ложь. Но если я так скажу, Тачибана, вероятно, будет больше мне доверять.

— Тем не менее, ты ничем не можешь мне помочь.

Что ж... раз она так говорит, то мне не нужно ничего отвечать. Напротив, скажи она обратное,

появился бы риск утечки информации.

— Пожалуйста, считай, что тебе повезло, что мы не стали врагами.

— Пожалуйста, перестань разговаривать со старшеклассниками в такой небрежной манере. Я ничего не говорила тебе до сих пор, потому что Хорикита-кун тоже был там, но...

Что важнее... меня заинтересовало то, что Тачибана зовет его «Хорикитой-куном». Также любопытно, что она продолжает называть его «президентом», несмотря на то, что он уже покинул этот пост. Это довольно неестественное поведение.

— Ты... такой оптимистичный. Должно быть, хорошо быть первогодкой.

— Это довольно устрашающее заявление. Ты беспокоишься о завтрашнем экзамене?

— На самом деле, я ничего особенного о нем не думаю. В нашей группе нет вражды или чего-то подобного – напротив, дела идут очень гладко.

— Тогда почему ты плачешь?

— Говорю же, что не плакала!

Я указал на глаза Тачибаны; она запаниковала и спешно проверила, мокрые ли они до сих пор. Поняв, что слезы уже высохли, она бросила на меня слегка рассерженный взгляд.

— Хорикита-кун – вот о ком я тревож... о ком беспокоюсь.

Это была ложь, но не совсем. Впрочем, я не собираюсь ничего говорить.

— Беспокоишься, хах? Разве когда речь заходит об этом человеке, могут быть какие-то поводы для волнений?

— Хорикита-кун... Хорикита-кун всегда бился в одиночку. До сих пор он сражался как со 2-ым годом, так и с 3-им. Тебе не понять, насколько тяжело бороться против всех, когда ты сам по себе.

— Я знаю немного о том, что Нагумо и возглавляемые им второгодки с ним соперничают, но впервые слышу о том, что у него есть враги и среди учеников 3-го года. Как может столько человек пойти против того, кто взял на себя роль президента студенческого совета?

— Тебе не кажется, что ты ошибочно считаешь Хорикиту-куна своего рода диктатором? Хотя он

и был президентом студенческого совета, но, в отличие от Нагумо, не злоупотреблял своим авторитетом. Даже сейчас он не может расслабиться ни на одном экзамене.

Хоть Тачибана так и говорит, у меня нет никакой возможности убедиться в достоверности ее слов: я не имею представления о внутренних делах третьегодок и, тем более, о том, как живет и работает Хорикита-старший.

Но, возвращаясь к ее словам об экзамене...

— Может ли быть, что конфликт классов между третьегодками все еще идет?

— По крайней мере, если Хорикита-кун проиграет, то вместе с ним поражение потерпит и весь класс А.

— Хех...

Конечно, то же самое говорил и Нагумо. Разрыв между классами А и В 3-го года составляет всего 312 очков. Вполне возможно одолеть высший класс, если Хорикита-старший – их единственная сила, или если в классе В есть свои талантливые ученики.

— Значит, в конце концов, даже он на самом деле просто обычный ученик, хах?

— Хорикита-кун, он...! ... Неважно.

Тачибана остановилась, словно пытаясь удержаться и не повышать голос; однако, словно выплескивая свое разочарование, она продолжила говорить:

— Все остальные ученики из класса А постоянно были обузой. Мы потеряли много классных очков, которые не должны были терять, и даже наши приватные баллы... он всегда жертвовал собой ради защиты товарищей.

Если все так, как говорит Тачибана, то Хорикита-старший относится к тому же типу людей, что и Хирата. Честно говоря, мне так совсем не кажется. Хотя, конечно, раз так утверждает ученица А-класса 3-го года, в этом должна быть доля правды; должно быть, ей приходилось видеть, как он ведет дела за кулисами, при этом не раскрывая своей добродетели.

— Другими словами, ты чувствуешь себя подавленной из-за нынешней ситуации?

— Даже я знаю о том, что творится у парней. Нагумо-кун бросил вызов Хориките-куну, из-за чего тот не может сделать ни шага, а мы не в состоянии ничем ему помочь.

— Только от твоего упорства зависит, сможешь ты помочь ему или нет, так ведь?

— Я... знаю это.

Должно быть, у Тачибаны снова проступили слезы, поэтому она поспешно протерла глаза рукой.

Конечно, причиной этих слез могут быть мысли о Хориките-старшем, но есть и кое-что еще.

— У тебя самой ведь какие-то проблемы, не так ли?

— ... нет. Совсем не так.

Она отрицала это.

— В самом деле?

— А ты настойчив, да? Говорю же, нет у меня никаких проблем.

— Раз их и правда нет, выходит... я неправильно все понял.

— Да, вот именно. И, пожалуйста, не говори ничего лишнего Хориките-куну.

— Конечно.

Напоследок предупредив меня, она направилась в столовую. По какой-то причине ей совсем не хочется, чтобы Хорикита-старший знал правду.

... Но ты совершаешь ошибку, Тачибана. Это не та проблема, которую можно решить, пожертвовав собой.

«Полагаю, он проиграет, если я не сделаю ход».

Увидев хрупкую сторону Тачибаны, я убедился в этом.

Часть 4

Полночь. Я проснулся, услышав слабый скрип кровати. Один из учеников двигался в темноте. Конечно, хоть ничего и не видно, я точно знаю, кто он.

Это Хашимото, который сейчас должен крепко спать надо мной. Он бесшумно спустился по лестнице двухъярусной кровати и, даже не взяв с собой фонарик, вышел из комнаты.

После этого я медленно встал.

Скорее всего, он просто идет в туалет, но есть вероятности и других вариантов: в течение этой недели не было ни одного случая, чтобы Хашимото не отлучался куда-то посреди ночи.

Я подождал какое-то время, прежде чем отправиться за ним. Если вдруг окажется, что он стоит прямо за дверью, всегда можно сказать, что я тоже иду в туалет.

Именно потому, что мы спим на одной двухъярусной кровати, Хашимото решит, что своим подъемом разбудил и меня. Я постарался скрыть свое присутствие и бесшумно вышел из комнаты.

Ориентироваться в коридоре позволяли лишь аварийные лампы и тусклый лунный свет, проникающий сквозь окна. Впрочем, ходить без фонарика было все же возможно. Я видел, как Хашимото направился в туалет.

Мне оставалось лишь последовать за ним. Вскоре Хашимото свернул налево вместо того, чтобы продолжать идти по направлению к уборной. Спустившись на первый этаж и не став переобуваться, он вышел на улицу; приблизившись к нему, я спрятался за стеной. Кроме нас двоих здесь никого не было. Быть может, он пришел сюда просто, чтобы подышать свежим воздухом перед экзаменом?

А может, кого-то ждет?

Из здания школы вышла еще одна тень, которая, похоже, и была целью Хашимото. Чувствуя, что тот собирается повернуться в мою сторону, я быстро перебрался в другое место.

В такой обстановке, когда звуков не издают даже насекомые, человеческий голос слышен намного четче, чем можно того ожидать.

— Йо, Рьюен.

— Какого черта тебе от меня надо?

— Я просто хочу поболтать. Но в столовой ты привлекаешь слишком много внимания, поэтому, выходит, встретиться мы можем только посреди ночи.

— Прямо перед окончанием летней школы?

— Именно потому, что сегодня последний день, все остальные сейчас должны крепко спать.

— ... Ясно. Полагаю, так и есть.

Каждый ученик наверняка захочет хорошо выспаться в ночь перед экзаменом – вот почему Хашимото выбрал для тайной встречи с Рьюеном именно такие дату и время.

Но эти двое – довольно неожиданное сочетание... Впрочем, может быть, и нет. Еще на необитаемом острове Рьюен поддерживал связь с классом А.

Я не удивлюсь, если окажется, что Хашимото уже тогда играл роль посредника.

— Не в моих привычках ходить вокруг да около, поэтому давай начистоту. Ты действительно покинул пост лидера класса?

— Ку-ку. Похоже, ты не веришь в это.

— По крайней мере, предположение, что тебя избили Ишизаки и остальные, вызывает у меня серьезные сомнения.

Хашимото обрисовал ему свое виденье ситуации. Конечно, идея, что эти парни могли одолеть Рьюена, звучит довольно глупо.

— Забудь о нем. Вот Альберт, скажем, вполне может доставить проблем. Любому придется тяжело при встрече лицом к лицу с этим парнем.

— Ясно. Он, безусловно, является угрозой, но... Рьюен Какеру, которого я знаю, никогда бы не стал бояться такого человека. Напротив, ты всегда планировал контрмеры, так ведь?

Кажется, вместо того, чтобы развеяться, сомнения Хашимото только усилились.

— Мне просто надоело главенствовать над кучкой школьников, постоянно восстающих против своего лидера. Пока я продолжаю эксплуатировать класс А, мне ничего не угрожает. Я не обязан спасать этих ребят.

— Вот, значит, как... Понятно.

— Убедился теперь?

— Не уверен. Честно говоря, все еще пятьдесят на пятьдесят. В любом случае, лично я предпочел бы, чтобы ты как можно скорее предпринял меры по исправлению той ситуации, в

которой сейчас находишься.

— Чтобы ты мог получать больше карманных денег, да?

— Именно так. Я тоже хочу этот «пропуск в класс А».

Накопив 20 миллионов баллов, получаешь право в любой момент перейти в класса А. Очевидно, Хашимото тоже один из тех, кто стремится к этому. Но воплотить такой план в реальность невероятно трудно.

— Полагаю, ради победы ты готов даже предать Сакаянаги.

— Если будет такая необходимость – да.

Ответил так Хашимото, но тут же добавил:

— Предательство Сакаянаги стоит недешево, Рьюен. Прямо сейчас она стоит на вершине нашего класса. Ты ведь понимаешь, что на данный момент я – один из членов команды-победителя?

— Хотелось бы посмотреть, как долго будет работать дипломатия такого рода.

— Я довольно хорош в поиске своего места под солнцем. Хочу, чтобы ты знал, что мои способности куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Но я рад, что нам с тобой удалось поговорить вот так... Твои глаза еще не мертвы.

Зевнув, Хашимото наконец сказал:

— Когда класс Хираты обошел твой, мне стало интересно, чем, черт возьми, вы были заняты. Но, быть может, тебе пришлось тяжелее, чем кажется.

— Хах?

— При взгляде на учеников этого класса все становится ясно. Появляется сильное желание раздавить их заранее.

— Подумать только, что ты расцениваешь их как угрозу. Есть кто-то, кто заинтересовал тебя?

— По крайней мере, Коенджи представляет серьезную опасность. Если он начнет действовать

ради класса, то неизвестно, что в таком случае будет с остальными классами. Кроме того, есть такие ученики, как Хирата и Юкимура, которые демонстрируют отличные академические способности. Нельзя забывать и про Судо – быть может, самого физически развитого спортсмена нашей параллели.

— Не знаю насчет остальных, но сильно сомневаюсь, что последний начнет действовать.

Хашимото слегка засмеялся, словно соглашаясь с Рьюеном.

— Даже так, неизвестно, что случится в итоге. Но на всякий случай я запомню твои слова. Даже если Хирате и его классу удастся добраться до класса А, то нет никаких проблем, пока там остается место и для меня.

— Сомневаюсь, что у тебя хватит сил. Постарайся не обжечься, ладно?

Рьюен посмеялся над Хашимото и решил закончить беседу:

— Хоть этот разговор и был дерьмовым, все же не следует его затягивать.

— Да уж.

Я решил, что их встреча подошла к концу, поэтому попытался уйти. Хашимото, вероятно, сразу же направится в нашу комнату – будет подозрительно, если к тому времени я еще не буду в своей кровати.

Но затем я почувствовал приближение кого-то еще и остановился. Этот человек сразу же заметил Рьюена с Хашимото и окликнул их.

— Эй, первогодки, тайная встреча в такое время?

— Хах?

Теми, кто преградил им путь, оказались Нагумо Мияби и Хорикита Манабу. Рьюен на мгновение остановился, но тут же потерял интерес к происходящему и направился дальше.

Прямо в сторону Нагумо. Однако тот не сдвинулся с места.

— Прочь с дороги.

В ответ президент студенческого совета лишь рассмеялся.

— Я слышал, что ты отпетый хулиган. Рьюен, верно? Я собирался немного поболтать с Хорикитой-семпаем, но вам двоим тоже стоит присоединиться.

— Не заинтересован.

Рьюен толкнул плечом Нагумо.

— Забияка... Ты не боишься меня?

— Кем бы ты ни был и какой бы пост ни занимал – я раздавлю любого, кто встанет у меня на пути.

— Хех.

Похоже, Нагумо проявляет определенный интерес к Рьюену, которого, в свою очередь, его слова несколько не смутили.

— Не то чтобы мне не нравился такой тип людей... но ты явно не создан для того, чтобы быть членом моего студенческого совета.

Стоило Рьюену направиться прочь, как Нагумо вновь окликнул его.

— Раз так, то почему бы тебе по крайней мере не сделать ставку? Как думаешь, кто по результатам сегодняшнего экзамена окажется выше – группа Хорикиты-семпая или моя? На кону, скажем, десять тысяч баллов.

— Это глупо. Меня не интересуют такие деньги.

— Десять тысяч – это для тебя «такие деньги», ха-ах? Ты ведь из класса D, так что у тебя всегда не хватает баллов, разве нет? Сейчас ты можешь немного подзаработать.

— Тогда начинай с миллиона. Если предложишь эту сумму, то я, пожалуй, соглашусь.

Сказал Рьюен и отвернулся.

— Ха-ха-ха. А ты забавный. Смелая шутка. Можешь уже идти.

Очевидно, Нагумо не воспринял его предложения всерьез.

— Если у тебя кишка тонка, чтобы заплатить хотя бы столько, не утруждайся просить меня

делать ставку.

— Эй, ты, первогодка. Думаешь, Рьюен сможет расплатиться?

Нагумо задал вопрос Хашимото. Тот, осведомленный о тайной договоренности, заключенной между Рьюеном и классом А, должен знать, что он определенно имеет такую сумму, однако...

— Я не уверен... мы в разных классах, так что не могу сказать.

— Будь у нас наши телефоны, чтобы проверить, я бы сыграл... Жаль.

В конце концов пари было отменено. После этого Хашимото попытался уйти. Вероятно, выкинув их обоих из головы, Нагумо повернулся к бывшему президенту студенческого совета.

— Хорикита-семпай, пожалуйста, сдайся и не сражайся на завтрашнем экзамене.

Внезапно он произнес эти слова. Рьюен уже ушел, но вот Хашимото остановился.

— Сдаться?

— Верно.

— Это еще хуже шутки Рьюена.

— Вообще-то я совершенно серьезен.

Затем Нагумо добавил:

— Это ради тебя самого, семпай.

— Говори проще. Я знаю, что у тебя есть привычка вести монологи в голове.

— Прошу прощения. Следует учесть тот факт, что мне слишком четко видно будущее. Если не сдашься, то пожалеешь об этом. Другими словами, прямо сейчас я проявляю милосердие. Я могу одолеть тебя без всяких предупреждений, но это было бы слишком жестоко, не так ли?

— Что ты задумал? В зависимости от того, чем это окажется, я могу не принять результат.

— Понимаю. Правила нашего сражения - «честно и справедливо, без привлечения третьей

стороны». Конечно, я жду честного противостояния, поэтому и хочу победить. Вот почему я кое-что сделал.

— Это как-то связано с тем, что ты просишь меня сдать?

— Таким образом ты минимизируешь ущерб, который понесешь, семпай. Знаешь, что именно я подготовил? Нет, ты никак не можешь этого понять. Во всей школе нет ни единого ученика, способного прочесть мои намерения. Вот так вот. Даже твой любимчик... что это был за первогодка?

Нагумо оглянулся вокруг и уставился на Хашимото. Но тот никоим образом не мог понять его слова.

— Да, точно. Насколько я помню, он в той же группе, что и вот он. Аянокоджи Киётака, верно?

Словно желая, чтобы Хашимото узнал об этом, Нагумо сделал акцент на моем имени.

— Что думаешь, первогодка? Об Аянокоджи.

—... Мне кажется, он просто обычный ученик...

Хашимото был сбит с толку, неожиданно услышав мое имя.

— Правда? А вот Хорикита-семпай, кажется, считает его лучше всех остальных первоодок.

— Разве это не потому, что он хорошо показал себя во время эстафеты на спортивном фестивале?

— Да, так можно было подумать. Но, похоже, это еще не все. Хорикита-семпай ведь ставит Аянокоджи даже выше Сакаянаги, даже выше Рьюэна и даже выше Ичиносе. Поскольку вы в одной группе, я думал, ты мог что-то почувствовать.

— Нет...

— Почему именно он, семпай? Пожалуйста, озвучь нам уже причину.

— Ты преувеличиваешь, Нагумо. Когда я говорил тебе, что о нем думаю? Искажение правды не принесет никакой пользы. Хватит уже дразнить первоодок.

— Прощу прощения, семпай. Полагаю, ты прав... прости, Хашимото. Это была просто шутка.

— В самом деле...?

Тема их обсуждения вызывает некоторое беспокойство, но я решил уйти. Эти трое блокируют коридор, так что мне придется использовать лестницу на противоположном конце, чтобы попасть в нашу комнату. Стоит поторопиться – придется сделать крюк, а если ко времени возвращения Хашимото меня не окажется в кровати, это вызовет у него подозрения.

... Вскоре после моего возвращения он бесшумно вошел в комнату. В темноте я почувствовал направленный на меня взгляд. После этого Хашимото отправился спать.

<http://tl.rulate.ru/book/96877/1527846>